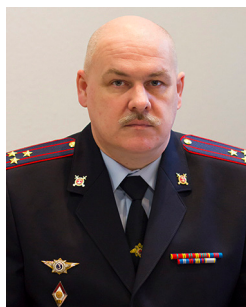




УДК 343.133



Алексей Геннадьевич КАЛУГИН,
заместитель начальника Сибирского юридического института
МВД России (по учебной работе) (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

alexei_kalugin@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

TO THE ISSUE OF PROCEDURAL FORM OF SEIZURE OF ITEMS AND DOCUMENTS AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Статья посвящена одной из актуальных проблем, связанных со стадией возбуждения уголовного дела, – недостаточной процессуальной регламентации действий, направленных на установление признаков преступления и закрепление его следов, в частности порядка изъятия на данной стадии предметов и документов. Анализируются положения российского законодательства, их толкование высшими судебными инстанциями, доктринальные подходы отечественных ученых-процессуалистов на исследуемую проблему; формулируется авторская концепция реформирования стадии возбуждения уголовного дела.

The article is devoted to the one of the topical problems related to the stage of the initiation of a criminal case, namely the insufficient procedural regulation of actions aimed at identification of indicia of a crime and fixation of its traces, in particular, the order of seizure of items and documents at this stage. The main provisions of the Russian legislation, their interpretation by higher judicial organs as well as Russian scientists' doctrinal approaches to the problem under study are analyzed; the author's conception of reforming the stage of the initiation of a criminal case is formulated.

Ключевые слова: процессуальная форма, изъятие предметов и документов, стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, результаты оперативно-розыскной деятельности.

Keywords: procedural form, seizure of items and documents, stage of the initiation of a criminal case, checking on the crime report, results of operational-search activity.

Вокруг стадии возбуждения уголовного дела в последние годы развернулась широкая научная дискуссия, и тому есть объективные причины. В частности, на наш взгляд, камнем преткновения является явное несоответствие процессуальных средств, предусмотренных законодательством, тем задачам, которые должны решаться в стадии возбуждения уголовного дела.

Многие виды преступлений, составляющие значительный сегмент в структуре современной преступности (в первую очередь, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, коррупци-

онные и экономические преступления), выявляются исключительно с использованием средств и методов оперативно-розыскной и контрольно-проверочной деятельности правоохранительных и контролирующих органов. В результате этой деятельности не только формируются поводы и устанавливаются основания для возбуждения уголовного дела (основная задача данной стадии), но и фактически собирается и документально закрепляется значительная часть информации, составляющей основу доказательственной базы по будущему уголовному делу. В частности, в ходе таких оперативно-розыскных



мероприятий, как проверочная закупка, оперативный эксперимент, контролируемая поставка, сотрудниками правоохранительных органов преступная деятельность наблюдается в режиме реального времени, а затем пресекается (что, в свою очередь, предполагает задержание с поличным лиц, совершающих преступление); при этом фиксируются и изымаются ее следы. Поэтому в качестве факультативной, но от этого не менее значимой задачи стадии возбуждения уголовного дела в научной и учебной литературе, как правило, указывается принятие мер для пресечения преступления, закрепления и сохранения его следов.

Очевидно, что в значительном числе случаев решение обеих названных выше задач (установление признаков преступления и закрепление его следов) требует определенных действий. Так, чтобы выяснить, имел ли место факт сбыта наркотиков, недостаточно, скажем, рапорта сотрудника оперативного подразделения о получении им из конфиденциальных источников информации о том, что некто занимается торговлей наркотиками. Нужно задержать конкретное лицо (сбытчика) с поличным и зафиксировать при помощи технических средств сам процесс сделки, изъять средства платежа и убедиться в наличии у этих предметов индивидуально определенных признаков (например, номеров денежных купюр, специальных пометок, предварительно нанесенных сотрудниками оперативного подразделения, и т.п.), изъять приобретенное вещество и подвергнуть химическому исследованию, чтобы определить качественные и количественные характеристики, позволяющие отнести его к наркотическим средствам.

С точки зрения конечной цели и содержания вся эта деятельность является не чем иным, как собиранием доказательств, тем более что повторно («для протокола») эти действия выполнить, как правило, невозможно (нельзя дважды изъять предмет преступления у одного и того же лица, как невозможно дважды выстрелить одним и тем же изъятым патроном (вначале при «исследовании», затем в процессе экспертизы), нельзя дважды исследовать повреждения внутренних органов на одном и том же трупе, поскольку в ходе ис-

следования они необратимо видоизменяются и т.д.).

В отдельных нормах главы 24 УПК РФ, посвященных конкретным следственным действиям (осмотру и освидетельствованию), мы также находим косвенное подтверждение того, что задача обнаружения и закрепления следов преступления уголовно-процессуальными средствами может решаться и до возбуждения уголовного дела.

Применительно к таким значимым материальным носителям доказательственной информации, как предметы и документы, принципиально важно соблюсти процессуальную форму собирания доказательств, поскольку последняя обеспечивает их достоверность и допустимость. Иными словами, в уголовном деле должны быть документы, предусмотренные нормами УПК РФ, регламентирующими порядок собирания доказательств, из которых бы было абсолютно понятно, когда и каким образом в руки следователя (дознателя) попал тот или иной предмет (документ) и каков источник их происхождения.

Вместе с тем законодатель в разделе VII УПК РФ, регламентирующем порядок возбуждения уголовного дела, определил явно недостаточный перечень процессуальных средств для собирания доказательств: в ч. 1 ст. 144 закреплено право органов предварительного расследования и их должностных лиц «получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Если такой способ получения доказательственной информации, как «истребование предметов и документов», априори не



требует уголовно-процессуальной формы, поскольку заключается в использовании общепринятых стандартных правил документооборота и деловой переписки (по схеме «официальный запрос – официальный ответ в форме сопроводительного письма к запрашиваемому документу, предмету»), то процесс поиска, обнаружения и изъятия (как правило, принудительного) предметов и документов в конкретном месте, у конкретного обладателя должен регламентироваться нормами уголовно-процессуального закона, содержащими указание на фактические и юридические основания этого действия, устанавливающими определенный объем процессуальных гарантий прав и законных интересов собственника или иного законного владельца изымаемых предметов или документов.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации для подобных ситуаций предусматривает единственную процессуальную форму – форму следственного действия. Предметы и документы могут быть обнаружены и изъяты в результате осмотра места происшествия, обыска, выемки, осмотра и выемки почтово-телеграфных отправок. В определенных случаях эти следственные действия проводятся по судебному решению.

Однако, как видно из содержания ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в стадии возбуждения уголовного дела допускается производство лишь осмотра места происшествия, а также осмотра самих документов и предметов.

Что означает загадочная формулировка «изымать документы и предметы в порядке, установленном настоящим Кодексом», непонятно. Во всяком случае, вряд ли речь идет о разрешении проводить до возбуждения уголовного дела выемку или обыск, хотя некоторые авторы и полагают, что эта формулировка предоставляет правоприменителю право применять в стадии возбуждения уголовного дела правила выемки, «...поскольку в этом случае нет какого-либо указания на поисковый характер изъятия». [6, с. 55]

Схожий прием применен законодателем и в ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1]: «В случае изъятия документов, предметов, материалов

при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации».

Причем в следующем абзаце этой же части статьи подробно регламентирован порядок изъятия документов и электронных носителей информации, очень схожий с правилами выемки электронных носителей информации, установленными в ч. 3.1. ст. 183 УПК РФ.

Относительно данной нормы Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 20 ноября 2014 г. № 2557-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мязиной Марии Юрьевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 6 и 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статей 170, 176, 177 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» сформулировал следующую правовую позицию: «...Пункт 1 части первой статьи 15 устанавливает, в частности, что в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, что направлено на удостоверение факта, хода и результатов производства оперативно-розыскного мероприятия, а не следственного действия. При этом оперативно-розыскные мероприятия, в том числе исследование предметов и документов, проводятся при наличии оснований, предусмотренных статьей 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а не Уголовно-процессуальным кодексом. Данный Федеральный закон не регламентирует уголовно-процессуальные правоотношения, а потому и отношения, связанные с получением, проверкой и оценкой доказательств. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об



источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона (определения от 4 февраля 1999 г. № 18-О, от 25 ноября 2010 г. № 1487-О-О, от 25 января 2012 г. № 167-О-О, от 19 июня 2012 г. № 1112-О, от 20 февраля 2014 г. № 286-О, от 29 мая 2014 г. № 1198-О и др.). Согласно же статье 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам этим Кодексом».

Таким образом, относительно ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» позиция Конституционного Суда Российской Федерации вполне определена: речь идет о возможности использования аналогии закона – применения правил составления протокола выемки, предусмотренных ст. 183 УПК РФ, при необходимости составления протокола изъятия предметов или документов в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности.

При аналогии закона, т.е. при распространении на прямо не урегулированные законом отношения конкретных норм, регулирующих сходные отношения, решающим основанием, предопределяющим возможность применения той или иной конкретной нормы, является существенное сходство между отношениями, которые прямо не предусмотрены правом, и отношениями, которые урегулированы конкретными юридическими нормами. [3, с. 7] Однако допустимость использования сходных правил составления протокола вовсе не означает возможности проведения в процессе ОРД самого следственного действия «выемка».

Представляется, что толкование ч. 1 ст. 144 УПК РФ должно осуществляться аналогичным образом: поскольку среди следственных действий, перечисленных в этой норме в качестве средств проверки сообщений

о преступлениях, выемка, как, впрочем, и обыск, прямо не названы, речь может идти лишь о применении по аналогии правил производства выемки и правил составления соответствующего протокола в тех случаях, когда в стадии возбуждения уголовного дела у следователя или органа дознания возникает необходимость изъятия предметов или документов.

Таким образом, в стадии возбуждения уголовного дела фактически собирается и документально закрепляется путем «изъятия предметов и документов», формально не регламентированного УПК РФ, информация, имеющая важнейшее доказательственное значение, но с точки зрения способа получения доказательством не являющаяся. На практике это, как правило, порождает необходимость впоследствии дублировать так называемые проверочные действия следственными действиями, дабы придать уже имеющимся в распоряжении органа расследования сведениям процессуальную форму доказательств.

Еще одним способом «попадания» предметов или документов в материалы будущего уголовного дела на стадии его возбуждения, как, впрочем, и после принятия этого процессуального решения, на стадии предварительного расследования, является инициативное добровольное представление материальных носителей информации гражданами или юридическими лицами.

Закон не устанавливает процедуру представления предметов и документов лицами, являющимися заявителями либо участвующими в доследственной проверке в ином качестве (например, очевидцами преступления). Предмет или документ может быть приложен гражданином к заявлению или объяснению с указанием в его тексте на это обстоятельство, после чего следователь (дознатель) может еще до возбуждения уголовного дела произвести осмотр таких предметов, документов в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Так, в кассационном определении от 19 августа 2009 г. № 59-009-26 судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала: «Согласно материалам дела, указанный [в жалобе] ... СД-диск приобщен свидетелем Ч. к заявле-



нию о совершенном преступлении до возбуждения уголовного дела, что не противоречит требованиям закона. В связи с изложенным следователь был лишен возможности произвести выемку указанного диска в соответствии с требованиями статьи 183 УПК РФ. В дальнейшем CD-диск с аудиозаписью был осмотрен следователем в соответствии с требованиями статей 164, 176, 177 УПК РФ и приобщен к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. В этой связи аудиозапись обоснованно признана судом в качестве допустимого доказательства по уголовному делу».

В данном случае речь также может идти о применении аналогии закона, поскольку после возбуждения уголовного дела, приобретает статус потерпевшего, свидетеля и т.д., граждане приобретают соответствующее процессуальное право представлять доказательства. Но на этом аналогия и заканчивается. Она касается лишь самого процессуального права представлять органу, осуществляющему производство по уголовному делу, предметы и документы, являющиеся источниками (носителями) доказательственной информации, причем практически в любой стадии уголовного процесса. Что же касается порядка представления, его документального оформления – то в этой части уголовно-процессуальный закон безмолвствует.

На необходимость и целесообразность закрепления в УПК РФ порядка инициативного представления предметов, документов участниками процесса (в том числе и будущими участниками, в стадии возбуждения уголовного дела) указывает С.А. Шейфер: «Процессуальная форма представления доказательств участниками процесса должна определяться соответственно характеру представленных материалов (предметов и документов) и учитывать юридическую природу этого действия (в одном случае – это защита законного интереса, в другом – выполнение служебной обязанности». Важно акцентировать внимание на инициативном (со стороны участника), а не поисковом (со стороны следователя), добровольном, а не принудительном характере акта представления будущего доказательства, что принципиально отличает

его от изъятия в порядке, предусмотренном для следственных действий. [7, с. 102-103]

Действительно, для последующей юридической оценки процессуальное закрепление факта инициативной и добровольной передачи следователю (дознавателю) предметов и документов, которые впоследствии станут вещественными доказательствами или будут использоваться в процессе доказывания как «иные документы», может иметь принципиальное значение; например, когда речь идет о явке с повинной или других смягчающих ответственность обстоятельствах.

Не менее важным является закрепление в УПК РФ порядка инициативного представления органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, предметов, документов, которые могут быть впоследствии использованы в процессе доказывания, ведь на момент представления эти материальные носители доказательственной информации уже фактически изъяты в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и находятся в руках органа дознания. Межведомственная Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 27 сентября 2013 г. [2] данной проблемы не решает, так как не имеет силы федерального закона и в силу ст. 1 УПК РФ не относится к числу источников уголовно-процессуального права. В самих же положениях УПК РФ, регламентирующих способы собирания доказательств, также нет бланкетной нормы, которая могла бы отсылать правоприменителя к порядку представления результатов оперативно-розыскной деятельности, установленному ведомственными нормативными правовыми актами.

Из всего вышесказанного следует сделать следующие выводы:

1) по значительной части преступлений собирание доказательственной информации, источниками которой выступают предметы и документы, по объективным причинам фактически происходит уже в стадии возбуждения уголовного дела; при этом способами получения такой информации являются «истребование предметов и документов» органами пред-



варительного расследования, «представление предметов и документов» гражданами и юридическими лицами и «изъятие предметов и документов» органами дознания и органами предварительного следствия;

2) процессуальный порядок истребования, представления и изъятия предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела нормами УПК РФ не определен. Формулировки, содержащиеся в ч. 1 ст. 144 УПК РФ («изымать документы и предметы в порядке, установленном настоящим Кодексом») и в ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» («В случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации»), не означают возможности проведения таких следственных действий, как обыск или выемка, в рамках проверки сообщения о преступлении или в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности. Речь может идти лишь об использовании по аналогии общих правил проведения выемки и требований, предъявляемых к протоколу выемки;

3) полученные (изъятые) в стадии возбуждения уголовного дела предметы и документы не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом, либо в силу ст. 89 УПК РФ, если они изъяты в ходе оперативно-розыскной деятельности, либо в силу ч. 1 ст. 86 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ в их взаимосвязи и взаимообусловленности, если они изъяты в рамках проверочных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ, не являющихся следственными действиями.

Учеными предлагаются несколько вариантов решения проблемы процессуальной формы на начальном этапе уголовного судопроизводства:

– расширение круга следственных действий, проведение которых допускается до возбуждения уголовного дела. [4, с. 7-9] Данный подход представляется нерациональным, поскольку окончательно превратит стадию воз-

буждения уголовного дела в суррогат предварительного расследования;

– отказ от «следственной парадигмы» в доказательственном праве, постулирование тезиса о том, что доказательство является результатом оценки судом «фактического материала», собранного сторонами в досудебном производстве и представленного суду в рамках состязательного уголовного процесса, что само по себе делает неактуальными существующие формальные требования к процессуальному порядку собирания доказательств в досудебном производстве. [5, с. 137] Однако реализация соответствующей доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России, разработанной представителями нижегородской школы ученых-процессуалистов, на самом деле не только предполагает революционные изменения в регламентации процесса доказывания, но неизбежно повлечет за собой радикальную перестройку всей системы отечественного уголовного судопроизводства, внедрение состязательной модели на всех его стадиях, что означает изменение типа уголовного процесса, смену его исходного начала и перестройку системы принципов. Однако для столь радикальных преобразований нужны соответствующие социально-экономические и даже социально-психологические предпосылки. Иными словами, другими должны стать и государство, и само общество в целом;

– отказ от взгляда на возбуждение уголовного дела как на самостоятельную стадию процесса. Доследственная проверка должна быть заменена полноценным уголовно-процессуальным расследованием («полицейским дознанием»), что позволит отказаться от порочной «классификации» способов собирания сведений об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания, на процессуальные и непроцессуальные в зависимости от того, до или после возбуждения уголовного дела разрешается производство соответствующих действий.

Основанием для начала полицейского расследования должен являться факт регистрации сообщения о преступлении. В связи с этим порядок регистрации, проверки



и разрешения сообщений о преступлениях, как и порядок представления следователю, дознавателю предметов и документов, а также результатов оперативно-розыскных мероприятий, должен регулироваться нормами уголовно-процессуального закона, а не ведомственными или межведомственными инструкциями. Задачами расследования на начальном этапе должны быть: установление в событии признаков преступления, закрепление его следов, а также установление лица, его совершившего. Следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан, безусловно, должны проводиться под судебным контролем, а само расследование – обеспечиваться минимально необходимым набором мер процессуального

принуждения: обязательство о явке, привод и денежное взыскание. Завершаться этот этап должен возбуждением уголовного преследования в отношении конкретного лица (в том числе и путем его задержания в качестве подозреваемого) либо отказом от уголовного преследования и прекращением производства по делу.

Реализация этой модели потребует полного изменения раздела VII и некоторых норм раздела VIII УПК РФ. Главные же коррективы потребуются внести в организацию взаимодействия между следственными органами и органами дознания, осуществить необходимое перераспределение объема работы и процессуальной компетенции между их подразделениями.

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. // СПС КонсультантПлюс.
3. Бахта, А.С. Аналогия закона и аналогия права как способы восполнения пробелов при применении норм уголовно-процессуального права / А.С. Бахта // Российский следователь. – 2011. – № 1. – С. 7-9.
4. Варнавский, Д.А. Способы проверки сообщения о преступлении / Д.А. Варнавский // Российский следователь. – 2017. – № 13. – С. 7-9.
5. Власова, С.В. К вопросу о модернизации института формирования уголовно-процессуальных доказательств / С.В. Власова, Д.В. Наметкин // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 1. – С. 136-139.
6. Халиков, А.Н. Собираение доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении / А.Н. Халиков // Законность. – 2013. – № 12. – С. 54-57.
7. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – М. : Норма, 2009. – 240 с.